

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTUROLOGY

УДК 130.2

И. М. Быховская

ПРИКЛАДНОЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОЛОГИИ: ИСКОМОЕ И СУЩЕЕ

В статье рассматриваются основные прикладные проблемы в системе науки культурологии. Раскрываются основания институционализации культурологии. Проанализированы роль и место исследований в области прикладной культурологии с позиции их результативности и соответствия социокультурным запросам общества. Предложена типология прикладных культурологических исследований.

Ключевые слова: прикладная культурология, социокультурное пространство, институционализация культурологии, культурологические исследования, культурологическое знание.

I. M. Bykhovskaya

CULTUROLOGY APPLIED VEKTOR: THE SEARCHED AND THE EXISTING

The article deals with the main applied issues in the system of culture science. The foundations of culturology institutionalizations are revealed. It analyses the role and place of researches in the area of applied culturology from the point of view of their effectiveness and appropriateness for a society's socio-cultural requirements. Applied culturology researches typology is suggested.

Keywords: applied culturology, socio-cultural sphere, culturology institutionalization, culturology researches, culturology knowledge.

Начнем с того, что сложившееся наименование определенной части культурологической науки – «прикладная культурология», вполне ясно говорит о специфике этой составляющей культурологии, о ее особой направленности, отличающей данный блок знания от других составляющих рассматриваемой науки – в частности, от культурологии теоретической и культурологии исторической.

Открыв любой толковый словарь, от скажем, классического словаря Д. Н. Ушакова до уходящей в бесконечность в сво-

ей «открытости» Википедии, мы увидим (впрочем, и так понятное): *прикладное* – значит имеющее *практическое значение*; то, что может найти применение в какой-либо сфере *жизни*. Очевидность и простота такого определения неизбежно имеет своим продолжением (чаще всего, чисто интуитивно) убеждение, что столь же проста и незамысловата процедура этого самого «приложения» знания. Было бы только знание, а уж найти ему практическое применение – это не проблема. И потому (еще один неизбежный, казалось бы, вы-

вод) эта прикладная область культурологического знания, тождественная его простому функциональному использованию, не требует каких-либо специальных *научных* усилий; главное для развития культурологии – эффективная работа по созданию концепций, развитию теорий, а их применение – «дело техники».

На первый взгляд, логика, лежащая в основе такого рода рассуждений, не вызывает возражений. Однако логически правильный ход размышлений при переходе к прозе жизни, в том числе и жизни науки культурологии, оказывается не столь безусловным: и развитие культурологического знания не шло в предполагаемой, логически «чистой» последовательности (теоретическое, потом – прикладное); и не столь однозначными оказываются ответы на, казалось бы, самые простые вопросы – *куда и зачем* «приложить», *как* это сделать, и, наконец, *что* же из имеющегося обширного и многоликого культурологического знания можно/должно выбирать для использования в практических целях в той или иной конкретной ситуации.

Такого рода набор вопросов, а точнее, поиск ответов на них, задает абрис для описания особенностей прикладной культурологии как подсистемы науки культурологии, чему и посвящен данный раздел. Но прежде обратимся к краткому описанию сюжета, связанного с процессом институционализации, с обретением и потерей прикладной культурологией легитимного статуса, а также с ее ролью в становлении российской культурологии в целом. Конечно, многие аспекты рассматриваемой проблемы были и остаются значимыми не только для российской науки о культуре [см., напр.: 29; 30; 24], однако в данном разделе мы, в силу изложенных ниже обстоятельств, сочли важным сделать акцент именно на развитии данно-

го сегмента в системе отечественного социально-гуманитарного знания.

Отечественная прикладная культурология де-факто и де-юре: сложности легитимизации

Институционализация культурологии как научной отрасли была стимулирована, подобно процессу «возмужания» других наук, как минимум, влиянием двух групп факторов. С одной стороны, собственно *логикой развития* знания о культуре, подведшей на определенном этапе к осознанию необходимости создания своего рода единой «системы координат» в данной области познания; системы, которая бы позволила соотнести, структурировать, обеспечить сопряженность результатов, полученных на основе «разножанровых» и разновекторных исследований многоликого поля культуры.

Однако несомненно, что одной логики познания для позиционирования новой науки никогда не бывает достаточно – должна быть *реальная заинтересованность*, социальная *потребность* в том знании, которое вызревает в научном «парнике». Именно такая заинтересованность, действительно, послужила мощным стимулом для развития отечественных наук о культуре в целом и для обретения институционального статуса культурологией в частности в перестроечные 80–90-е годы прошлого века. В условиях кардинальных трансформаций, происходивших практически во всех областях жизни, в условиях реальных и потенциальных утрат и обретений в самом широком социальном масштабе, вполне объяснима потребность социальных субъектов разного уровня: государства, отдельных групп (политических, экономических, этнокультурных, конфессиональных и др.), общественных организаций и корпоративных структур – в получении *практически применимого* знания о культурных факто-

рах социальных процессов, о механизмах их объективного влияния, о возможностях целенаправленного использования, манипулятивного блокирования и пр., словом, о том, как можно работать с культурной составляющей глобального социально-тектонического сдвига. Научно фундированные (хотя иногда – лишь наукоподобные) аналитико-рекомендательные модели практической деятельности, программы и проекты социокультурного развития, потеснив абстрактно-теоретические построения, заняли заметное место среди продукции, реализуемой специалистами в сфере культуры. Их востребованность была детерминирована поиском решений в самых разных социокультурных областях – от масштабных вопросов государственной культурной политики, поиска «коротких» путей этнокультурного самоопределения, стремления к региональному противостоянию захлестывающей глобализации, задач по «раскручиванию» кандидатов в... во время избирательных кампаний до разработки локальных культурно-досуговых технологий, например, для успешного «тим-билдинга» в пределах отдельной корпорации.

Именно в связи с этим многожанровым социальным запросом блок прикладных культурологических исследований получил мощный толчок, стимул к интенсивному развитию, да и подпитка (в самом широком смысле) этого научного направления тоже сыграла свою роль. Продукция, созданная в этот период бурного развития прикладных культурологических исследований, в силу многообразия ее источников, потребителей и пр., конечно, далеко не вся оказалась на поверхности, не вся доступна для анализа и оценки. Однако, пусть и в весьма ограниченном масштабе, составить представление об этом периоде в развитии прикладной культурологии можно просто даже обратившись к соответствующим раз-

делам перечней публикаций, диссертаций по культурологии [см., напр.: 13; 20 и др.] Все эти процессы стали значимыми обстоятельствами, которые повлияли не только на формирование и развитие *данного направления* в культурологии, но и оказались немаловажными для развития и институционализации культурологии *как таковой*. Можно вполне обоснованно утверждать: интенсивный количественный рост именно прикладных исследований культурологического профиля, расширение их тематического спектра стали своего рода катализатором процесса оформления культурологии как самостоятельного научного направления в пространстве отечественного социально-гуманитарного знания.

Однако эти «заслуги» прикладного направления не стали в последующем индульгенцией для его легитимного существования и обладания необходимым *институциональным статусом*, определяемым, прежде всего, включенностью данного блока знания в номенклатуру научных специальностей Высшей аттестационной комиссии РФ. Как известно, институционализация культурологии в начале 90-х годов XX века нашла свое юридическое выражение в виде появления в нем под шифром 24.00.00. направления «Культурология». Структурирование научных специальностей внутри него было хоть и незамысловатым, но достаточно (пусть и не вполне строго) логичным: 24.00.01. – Теория культуры; 02. – Историческая культурология; 03. – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов; 04. – Прикладная культурология. Изменения, в последующем произведенные в этом разделе номенклатуры, привели к его максимальному обеднению (что, на наш взгляд, требует непрямого и более активного возвращения специалистов к обсуждению вопроса об обоснованно-

сти таких трансформаций¹) и, в частности, к исчезновению такой специальности, как «Прикладная культурология».

Не имея возможности проанализировать причины этого решения (в силу отсутствия их публичного представления), могу лишь высказать соображения, касающиеся некоторых *следствий* данной ситуации – соображения, которые, надеюсь, добавят еще одно звено в процесс выстраивания цепочки аргументов, направленных на возвращение прикладной культурологии, как социально значимой и востребованной практикой области познания, в перечень научных специальностей по направлению 24.00.00. – Культурология.

Основной аргумент – это подтверждаемая повседневно и повсеместно, насыщенность *сегодняшнего реального* социокультурного пространства проблемными, а нередко и откровенно кризисными точками, полноформатный анализ которых (прежде всего, для поиска необходимых решений) невозможен без рассмотрения культурной составляющей в их возникновении, а следовательно, – и в парадигме их «рассасывания». Происходящие в современном мире, в современной России сложные общественные процессы *объективно* актуализируют, стимулируют расширение масштабов применения культурологии в ее практически-ориентированном формате, использования релевантных ситуации и задачам знаний о культурных факторах и механизмах, о закономерностях протекания социокультурных процессов,

об особенностях их модификации в современном контексте.

В актуальности такого рода исследований легко убедиться, обратившись, скажем, к тематике диссертационных исследований по направлению «Культурология», выполненных за последнее десятилетие. Аргументом в пользу востребованности является также (а возможно, и прежде всего) и огромное число выполненных в рамках различных управленческих и иных структур *собственно практических* исследований и разработок культурологической направленности, обеспечивающих (наряду с собственно научными исследованиями) приращение массива результатов, значимых для развития прикладного анализа социальных проблем в их культурологическом измерении.

Несомненно, что изъятие специальности «Прикладная культурология» из номенклатуры ВАК – это решение, в результате которого ситуация *де-факто* отнюдь не изменилась в соответствии с предписанным *де-юре*. «Закрыв тему» *административно*, по формально-бюрократическому признаку, это решение не отменило и не могло *по сути* отменить развитие данного исследовательского направления, поскольку его выделение было, как уже отмечалось, не продуктом чьей-то «игры ума», а ответом на объективный запрос, продуцированный социальными *реалиями* современного мира. Непродуктивность ситуации определяется не только указанным выше несоответствием. Есть нестыковки и иного рода: расширение прикладного культурологи-

¹ Сохранив в прежней формулировке лишь специальность 03, авторами было решено объединить *теорию* и *историю* культуры в *единую* научную (!) специальность 24.00.01. – шаг, смею сказать, совершенно *научно* необоснованный, поскольку под один шифр попали научные исследования, по определению различающиеся по целям, методам и пр., хотя и имеющие один и тот же объект изучения – культуру. Но по этой логике в одну строчку можно было бы вписать вообще все науки, направленные на изучение культуры, а их, как известно, не один десяток. Да и формулировки «история культуры» и «историческая культурология» далеко не тождественны [см. об этом более подробно: 16; 1; 26, а также блестящие образцы историко-культурологических исследований М. Л. Гаспарова, А. Я. Гуревича, Ю. М. Лотмана, Л. М. Баткина]. Возможно, это не столь существенно для обыденного сознания, но не очень адекватно статусу *научно-организационного* документа.

ческого анализа, происходящее де-факто в ответ на запросы самой практики, не имеет, прежде всего, в силу названных выше причин, адекватного развития *научно-методологической базы и методического арсенала* прикладных культурологических исследований как особого типа познавательной деятельности.

Есть и еще одно, научно-этического рода, негативное последствие решения об изъятии прикладной культурологии из Перечня – необходимость «втискивать» по сути любые, в том числе и *практически ориентированные* научные культурологические исследования в «прокрустово ложе» специальности «Теория и история культуры». По сути, исследователи вынуждены «маскировать» социально актуальные, направленные на решение острых *проблем сегодняшнего дня* научные разработки под общетеоретические построения, исходя из единственно возможного (если тема не про музеи и сохранение памятников) наименования специальности. Представляется, что гораздо более целесообразно, логично, да и просто научно, вернуть специальность «Прикладная культурология» в номенклатуру, позволив диссертантам *по-честному* обозначать характер и возможности использования полученных ими результатов. Сделать это было бы логично и в связи с постоянными призывами, звучащими с самых высоких трибун, «достичь соединения теории с практикой», «быть ближе к реалиям жизни» и т. п.

Конечно, это не единственный путь восстановления в правах научно-прикладных исследований. Скажем, возможен вариант, основанный на расширении, вероятно, самой сегодня скудной из всех культурологической номенклатуры: не сводить направление «Культурология» к формуле «два в одном» (вся культурология = 24.00.01+24.00.03), а развернуть его, подобно другим научным направлениям (социологии, политологии и др.), в виде полноценного, адекватного изучаемой

реальности, списка специальностей. Например, включение в реестр (наряду с сохранением музееведения, возвращением исторической культурологии) таких позиций, как история культурологической мысли, культурология политики (в том числе, вопросы культурной политики), культурология повседневности и др. Конечно, это лишь частные примеры, а не выстроенный список (работа над ним – отдельная задача). Но и они позволяют понять, что при таком подходе и *концептуально-теоретический*, и *научно-прикладной* анализ актуальных проблем, отнесенных к соответствующим предметным областям, становятся равнозначно легитимными. Более того, как представляется, именно этот второй путь был бы более продуктивен во многих отношениях.

Аргументируя необходимость реинституционализации прикладной культурологии и борясь за ее полноценное признание, нельзя, однако, ограничиться лишь позитивом, связанным с научно-социальной значимостью данного блока исследований – картина при этом, надо признать, получается не вполне объективная и полная. Предшествующий этап развития выявил и сделал достаточно очевидными и некоторые проблемные ситуации, определенный негатив, без устранения которого отстаивать права прикладной культурологии не так уж и просто. Как это ни покажется парадоксальным, основные сложности связаны не с внешними факторами (скажем, с поисками недругов культурологии, что тоже бывает), а, как нам представляется, с отсутствием достаточно серьезно проработанных, обоснованных и прописанных родо-видовых характеристик самих прикладных культурологических исследований. Без этой необходимой науковедческой атрибутики никакие призывы к торжеству научной справедливости, никакие самые эмоциональные апелляции к социальной значимости такого рода исследований не будут, скорее всего, восприняты как доста-

точные аргументы для принятия скольких-нибудь серьезных решений.

Более того, можно предположить, что исключение в свое время прикладной культурологии из списка научных специальностей было производным не только от чьего-то субъективного (и, убеждены, недальновидного) мнения, но и стало своего рода реакцией на некоторые реальные издержки в рассматриваемом сегменте научных исследований. В частности, одним из «раздражителей», не могло не стать то, что можно обозначить как *избыточность* продукции, которая за несколько лет существования специальности «Прикладная культурология» была представлена под ее шифром. Действительно, наряду с немалым числом вполне достойных исследований по вопросам культурной политики, по прикладным аспектам многих других видов социокультурной практики, в эту специальность стали «сбрасывать» самые разные по жанру работы, в том числе и те, что попадали сюда как результат «селекции от противного». Имеем в виду сюжет, когда диссертационное исследование, задуманное изначально по социологическому, педагогическому, филологическому профилю, и, в силу тех или иных причин, не принятое соответствующим диссертационным советом, слегка переформатировалось соискателем, узнавшим о существовании нового направления (культурологии), и переадресовывалось в эту нишу, еще не очень заполненную и не очень строго прописанную в своих критериях. Вставив в название и во введение слово-маркер из набора «про культуру», диссертант как бы реинкарнировался сразу в статусе культуролога, способствуя, с одной стороны, заполнению открытой «на вход» тематической ниши, но одновременно и внося свою лепту в превращение молодой отрасли в научный (а иногда и псевдонаучный) «винегрет». Тем самым, накапливался и вполне подходящий материал для противников узаконивания культурологии, которая ни-

как не может называться наукой, если она «про все на свете». Хотя сегодня эта ситуация, конечно, совершенно не типична, но определенная проекция тех времен, если не сказать «тень», просматривается и в сегодняшних дискуссиях.

Данный сюжет относился, правда, не только к прикладной культурологии, но к начальному этапу легитимизации культурологии вообще. Что же касается именно специальности 04 – Прикладная культурология, то здесь была еще одна, специфическая беда, когда изначально стал неукротимо расти массив диссертационных работ, носивших скорее не *научно-прикладной*, а *методический* по своей сути характер. Значительную часть составляли работы, посвященные организации, технологиям, методикам, приемам культурно-просветительной работы и другим традиционным социокультурным практикам, которые ассоциировались, прежде всего, со словом «прикладная». Несомненно, здесь свою роль вновь сыграла недостаточная определенность критериев для обозначения границ, специфики прикладных культурологических исследований. Возможно, сработал и фактор субъективный, когда при желании соответствие отдельного исследования категории «прикладная» толковалось автором примерно так: если название исследования имеет отношение к некоторой *практике*, так или иначе связанной со *сферой культуры*, то это и есть достаточный аргумент для того, чтобы претендовать на **научную** степень в области прикладной культурологии. Как здесь не вспомнить мудрые слова К. Маркса о том, что этикетка системы взглядов нередко обманывает не только покупателя, но и продавца.

Но все же ситуация «перепутаницы» и размытости в прикладной культурологии, думается, определялась не просто тем, что в новую и уже тем привлекательную, становившуюся модной, научную область хлынул значительный поток ра-

бот, привязанных к тем социокультурным практикам, которые традиционно рассматривались, скажем, в педагогическом блоке (социально-культурная деятельность, библиотечное дело и др.). **Научно-культурологическая** составляющая **прикладного** исследования обеспечивается не тем, какой социальной практике посвящен анализ, с каким видом деятельности связана решаемая проблема, а *логикой исследовательского движения*: от исходного выявления собственно культурологического аспекта, «среза» изучаемого явления или процесса, через анализ культурных факторов возникновения и развития изучаемой проблемы к построению научно (= культурологически) фундированной модели деятельности, содержащей оценку и обоснование возможности «работы» с данными факторами – их усиления, деструкции и т. п. – для *разрешения* этой проблемы. Таким образом, целевая ориентация здесь – не столько получение результата в виде описания набора операций, методик, приемов, обеспечивающих соответствующую практику (это – «технологическая проекция» научного исследования), сколько выход на модель (конкретную, привязанную к социальным «здесь и сейчас»), содержащую культурологическое описание/объяснение проблемных зон изучаемого явления и возможных «точек роста», а чаще – «точек трансформации», в соответствии с социальным запросом, заказом, предписанием – словом, с поставленной практической задачей.

Рассмотрим более подробно особенности прикладной культурологии в соответствии с другими блоками данной науки,

но прежде кратко остановимся на сложившихся толкованиях самого понятия «прикладная культурология».

Прикладная культурология: множественность интерпретаций

Развитие прикладной культурологии как особого вектора познания культуры и как блока знания о ней, результирующего этот процесс, представлено несколькими, далеко не равноценными по объему, группами отечественных публикаций. Первая группа – это весьма немногочисленные специальные работы, посвященные базовым характеристикам этой научной области, ее методологическим основаниям, структурным, функциональным особенностям и другой научно-дисциплинарной атрибутике. Здесь необходимо назвать такие имена, как: М. А. Ариарский, В. Л. Глазычев, Б. С. Ерасов, Л. Г. Ионин, Л. Н. Коган, А. П. Марков, Э. А. Орлова, В. М. Розин, В. В. Савельев и др.². Вторая группа – это существенно более обширный, о чем уже упоминалось, массив публикаций, представляющих разнопредметные и многожанровые прикладные культурологические исследования. Еще одна группа – это разного рода общекультурологические работы, в которых так или иначе затрагивается вопрос о структуре культурологического знания и в этих рамках – высказывается понимание того, что такое прикладная составляющая этой науки. Наконец, значительный арсенал учебной литературы по дисциплине «Культурология», где, как правило, проблемы прикладной культурологии либо не представлены вообще, либо упоминаются в крайне скудном объеме³.

² Отметим, что далеко не всегда в названиях работ этих авторов прикладная культурология обозначена «в лоб» (это еще и вопрос постепенности вхождения термина в научный оборот); более существенно содержание, предметность проведенных ими исследований.

³ Эта ситуация вызывает наибольшие сожаления, поскольку эффективность изучения и усвоения материала дисциплин социально-гуманитарного блока зависит, в том числе, и от умения профилировать их в соответствии с особенностями профессиональной подготовки студентов. Прикладная культурология, в этом отношении, дает замечательные возможности для того, чтобы «проиграть» многие культурологические темы на предметном поле, близком будущим специалистам-технарям, медикам, экологам и т. д.

Не останавливаясь здесь на особенностях этих групп публикаций, отметим лишь, что в каждой из них присутствует (естественно, с разной степенью рефлексивности и эксплицитности) определенная интерпретация того, что понимается под прикладной культурологией, определенный набор тем и проблем, которые, по мнению авторов, соответствуют этому блоку культурологического знания. Для того чтобы хотя бы в какой-то мере представить многообразие подходов, выделим некоторые наиболее типичные толкования.

Одним из наиболее распространенных является отождествление прикладной культурологии с разработкой проблем культурной политики и вопросов социокультурного проектирования. Как отмечается, например, в работе Б. С. Ерасова [9], ключевой проблемой прикладной культурологии является решение комплекса вопросов о том, какие параметры социокультурных процессов нуждаются в прогнозировании, проектировании и управленческом регулировании, какие цели при этом должны преследоваться, какие методы и средства употребляться, какие типы объектов культуры и культурных процессов должны избираться в качестве управляемых, на каком уровне и на какой стадии должно осуществляться это управление.

Еще один акцент, присутствующий в ряде работ, связанных с прикладной культурологией, – это выделение такого признака, как ориентированность этой области на создание благоприятной среды для приобщения человека к достижениям мировой и отечественной культуры.

Одна из наиболее устойчиво сохраняющихся интерпретаций прикладной культурологии – понимание данной области как совокупности всего множества *социокультурных практик*. При этом, по сути, происходит редуцирование определенного уровня *научного знания* к содер-

жанию непосредственной практической деятельности (чаще всего, к ее определенным видам – культурно-просветительской, культурно-воспитательной, культурно-управленческой и т. п.). Как и прежде, этот подход присутствует не только в публикациях, выступлениях на конференциях, но и находит свою «объективацию» в ситуациях нового обозначения нередко традиционных видов профессиональной деятельности, связанной со сферой культуры: к примеру, можно нередко услышать про практика-культуролога (т. е. представителя той самой прикладной культурологии), который на деле оказывается культпросветработником (теперь нередко – аниматором), инструктором-организатором в сфере досуга, сотрудником отдела (департамента) культуры в той или властной, корпоративной структуре и т. п. Встречалось в публикациях и такое: человек, применяющий научное знание на практике, является носителем прикладной культурологии.

Еще один, довольно распространенный, тезис: если исследование направлено на изучение того или иного вида социокультурной *практики* – то это уже достаточное основание, чтобы отнести его к разряду «прикладных». Думаю, что некорректность такого утверждения очевидна для любого специалиста, по крайней мере, в силу его знакомства, скажем, с серьезными фундаментальными философскими трудами, посвященными вопросам практики, да и сегодняшняя культур-философская мысль активно работает в этой области [см., напр.: 6]. Поэтому расхожее отождествление любого изучения *практики* (по объекту) с *прикладным* (по характеру) разделом знания, по крайней мере, совершенно безосновательно. Конечно, этот культур-философский уровень осмысления различных видов социокультурной практики чрезвычайно важен как методологический фундамент для последующих трансформа-

ционных шагов, обеспечивающих обретение знанием характера прикладного, однако наличие слово «практика» в исходном описании объекта изучения – явно недостаточно для такого перехода.

Обозревая многообразие прикладных исследований, представленных в культурологической литературе, можно отметить постепенную смену тематических трендов. В первой половине 1990-х годов, как уже отмечалось, преобладали работы, посвященные вопросам социально-культурной работы и культурной политики. Наряду с огромным числом других публикаций, связанных с данными темами, своего рода «собранием сочинений» по этой тематике является многолетнее периодическое издание Министерства культуры РФ «Ориентиры культурной политики» [17]. Культурная политика и сегодня остается одним из приоритетных направлений в прикладной культурологии – несомненно, в силу, прежде всего, ее высокой социально-заказной востребованности. Что же касается социально-культурной деятельности, то очевидно данное словосочетание постепенно утрачивало привлекательность для прикладных исследователей, все более ориентирующихся на такие предметные поля, как масс-медиа, визуальная культура, творческие индустрии, культурный менеджмент, межкультурные взаимодействия и др. Хотя, заметим, что нередко за титулами исследований, звучащими современно и модно, скрывается традиционный (по подходу и предмету изучения) вектор анализа. Это, вероятно, объясняется, с одной стороны, сохранением в обществе многих устоявшихся видов социально-культурной деятельности, а с другой – сложностями *реального* (а не «титульного», номинального) исследовательского вхождения в новые культурные практики, малоизученные в отечественной науке и недостаточно аналитически представленные в переводной литературе.

Специфика прикладной культурологии в контексте интегративного культурологического знания

Как уже отмечалось, очевидное, само собой напрашивающееся, самое простое и распространенное понимание прикладной науки – как *использования знания* на практике. Однако насколько сопрягается такое определение с толкованием прикладной культурологии как одного из разделов **науки** культурологии наряду с теоретическим и историко-культурологическим? Акцентируем: культуролог**ии**, то есть знания, концепции, учения о культуре. Чисто *функциональное* определение прикладной культурологии, отождествление ее лишь с процессом *использования* знания, по сути, выводит ее **за** рамки собственно научного пространства, и в таком случае нет никаких оснований рассматривать прикладную культурологию как *составную часть* науки культурологии.

В то же время, очевидно и то, что без акцентировки этого функционального вектора, без выхода **за пределы** собственно научного процесса, ориентированного по своей сути не на применение, а на приращение знания, невозможно описать специфику *прикладной* науки. В сопоставлении с другими составляющими науки культурологии, эта специфика проявляется, очевидно, в *пограничном характере* прикладной культурологии, который, в свою очередь, связан с особенностями процесса порождения самого этого знания, а именно – с происходящей здесь трансформацией теоретико-*концептуального* культурологического знания в теоретико-*технологическую модель*. Эта модель должна включать в себя (в снятом виде) как исходный теоретический конструкт изучаемого явления (процесса, ситуации), так и сопряженный с ним базовый сценарий, стратегию действий, адекватную той реальной/гипотетической проблемной ситуации, которая выступает для науки как

«вызов» со стороны социальной практики. В этом отношении к этому уровню знания о культуре можно, со всеми условностями, применить уже устоявшийся (в другом контексте) термин «глокальный», описывая в данном случае интеграцию глобального (культурологического знания) и локального (конкретно-проблемного запроса).

Находясь между «теоретическим молотом» и «практикой-наковальней», концептуально-технологическая модель не может быть простым описанием технологий, методик, операций как таковых; это – пусть и особый, но все же блок научного знания, соотносимый не только с «внешним» для науки культурологии пространством (в своих функциональных параметрах), но и с ее «внутренним» содержанием (с точки зрения структурной соподчиненности). Формируемые затем на этой основе собственно социокультурные технологии, процедуры действия – это следующий шаг, осуществляемый с использованием результатов научного познания, но находящийся уже за его пределами. Понимание гуманитариев-прикладников как тех, кто переводит идеи в технологии, имеет прямое отношение именно к этой процедуре «выхода», которая условно заключает в себе как вектор движения «наука культурология → прикладной культурологический анализ» (сфера ответственности исследователей-прикладников), так и вектор «прикладной культурологический анализ → социокультурные технологии», где существует пространство для самореализации прикладников-технологов. Можно ли это успешно совмещать «в одном лице» – вопрос отдельный и не только научный.

Определение специфики прикладного культурологического знания осложняется нередко довольно распространенным смешением таких характеристик знания, как «фундаментальное» и «теоретическое», «прикладное» и «эмпирическое».

Как известно, различение *теоретического* и *эмпирического* – это выявление особенностей каждого из *уровней* знания, обусловленных такими характеристиками: источники их формирования, генезиса, методы построения, степень обобщенности знания, уровень его систематизированности и др.

Когда же стоит задача соотнести *фундаментальное* и *прикладное* знание, то критерием, принципиально значимым для их различения, является, прежде всего, *характер задач*, которые решаются/должны решаться в рамках научно-познавательной деятельности (из чего, несомненно, следуют и различия в средствах их достижения). В случае ориентации на фундаментальность, решается задача развития, углубления, приращения *самого знания* как такового; это, если можно так выразиться, – познание ради познания (что, естественно, не запрещает в последующем использовать это знание для целей, лежащих за пределами собственно познавательных задач). Применительно к культурологическому познанию, фундаментально-теоретический⁴ уровень – это развитие теории культуры, углубление знаний о ее сущности, морфологических характеристиках, закономерностях и механизмах генезиса и динамики культуры, построение объяснительных моделей применительно к отдельным составляющим культурного пространства и т. д. Это процесс получения *нового знания* о культуре как целом и о ее отдельных составляющих; это приращение теоретически *обобщенного* знания о культурных явлениях и процессах как таковых. Объектом фундаментально-теоретического познания здесь является собственно культура (в какой бы интерпретации она ни принималась), а его целью – расширение, углубление, изменение самого знания об этом

⁴ Не будем специально останавливаться здесь на хорошо известном положении о том, что фундаментальное знание – это знание, в конечном итоге, теоретическое.

объекте. Как правило, *двигатель, стимулятор* этого типа познания – сама логика научно-познавательного процесса, приводящая к очередному непознанному, слабо/недостаточно познанному, что и рождает потребность в построении недостающих объяснительных схем, концептуальных обобщений и т. п. Конечно, и в культурологии нельзя сбрасывать со счетов такой двигатель прогресса, как неизбежный интерес познающего субъекта. Насколько и как для достижения главной цели будут использованы упомянутые выше уровни познания (теоретический и эмпирический) – это отдельный вопрос, находящийся в совершенно иной плоскости.

Характер целевой ориентированности – это, повторим, ключевое основание для обозначения демаркационной линии между *фундаментальной* и прикладной культурологией. Что же касается соотношения *теоретического* и прикладного, то ситуация здесь другая: для решения задач прикладного характера знание теоретическое не менее важно, чем эмпирическая база данных, а потому в структуру прикладного анализа полноправно и даже необходимо входит (а не противостоит ему) и теоретический блок. Основная задача прикладного культурологического познания – *научно-стратегическое обеспечение практики* разрешения реальных социальных проблем, которое основано на эффективном использовании имеющегося теоретического знания о культурных факторах, механизмах, закономерностях. Акцентируем еще раз: несмотря на прагматическую ориентированность прикладной культурологии, она отнюдь не тождественна самой практической деятельности или ее методическому обеспечению; ее смысл – обеспечить *научную* базу для практических действий.

Мотор, стимулятор этого вида исследовательской деятельности – потребности социальной практики, ее запрос или не-

посредственный социальный заказ. Такого рода «*внешняя*» ориентированность создает и иное понимание *объекта* прикладного культурологического анализа (в отличие от фундаментального) – это совершенно не обязательно те области, процессы, явления, которые обозначаются, как феномены культуры. Объектом, в зависимости от задачи, может быть любое социальное явление или процесс, практическая работа с которыми требует понимания и учета культурных факторов, механизмов влияния, оценки с точки зрения культуросообразности и т. п. (далее этот вопрос будет рассмотрен более подробно). Конечно, в процессе прикладного исследования тоже может *в итоге* происходить **приращение** культурологического знания (посредством анализа и осмысления новых фактов, явлений, нового «взгляда» на факты известные и пр.), однако, эта задача не является имманентной для прикладного исследования.

Прикладная культурология и прикладные культурологические исследования

Рассмотренные выше характеристики прикладной культурологии относятся, как не раз подчеркивалось по ходу анализа, к ее определению как особой компоненты в структуре культурологического знания в целом. Эти характеристики позволяют говорить об особенностях этого блока знания в соотнесении с другими блоками, интегрированными под общим названием «Культурология». Однако, при переходе от описания статуса и специфики прикладной культурологии в этом *научно-дисциплинарном контексте* к рассмотрению отдельных исследовательских векторов в данной области, к реализации продекларированных общих принципов *в контексте отдельных прикладных культурологических исследований* (для краткости, обозначим их в дальнейшем «ПКИ»),

возникает необходимость в прояснении и уточнении и некоторых других, связанных именно с этим уровнем анализа, вопросов. И хотя последующие разделы нашей работы – это и есть совокупный, развернутый ответ на эти вопросы, все же, предваряя знакомство с ним в контексте значимых для ПККИ методологических канонов (раздел 2) и отдельных предметных полей (разделы 3–5), рассмотрим некоторые позиции, существенные для понимания особенностей культурологической работы на данном этапе анализа.

Теоретико-концептуальные основания и конкретика исследования

Один из вопросов, который неизбежно встает при формировании программы исследования, – какую выбрать теоретическую, концептуальную основу в качестве отправной точки? Понятно, что под названием «теории культуры» на сегодняшний день представлена достаточно пестрая и разножанровая концептуальная мозаика. С одной стороны, множественность интерпретаций культуры обусловлена научно-дисциплинарной дифференциацией (культурфилософские, культурантропологические, культурпсихологические и др. подходы). С другой стороны, внутри каждой дисциплины, в большей или меньшей мере связанной с постижением культуры, существует немалое разнообразие между школами, традициями, методологическими основаниями, определяющими характер и результат этого постижения.

Заметим попутно, что многообразие концепций и подходов – это совсем не обязательно признак «размытости», неопределенности содержания самой науки (о чем иногда можно слышать в дискуссиях о правах науки культурологии), и не обязательно признак ее неполноценности, о чем тоже нет-нет, да упомянут. Не входя здесь в обсуждение этого науковедческого аспекта, отметим, как нам представляется, оче-

видное: многообразие подходов к культуре в теоретико-методологическом смысле (аксиологического, знаково-символического, институционального и т. д.) неизбежно и в силу разветвленности древа социально-гуманитарных парадигм исследования, и в силу мультиразнообразия того, что подразумевается под феноменом культуры в современной науке. Первое и второе обстоятельство, несомненно, находятся в прямой взаимосвязи, однако, это – предмет для отдельного рассмотрения.

Для нас же существенно то, что наличие богатой теоретико-концептуальной палитры является своего рода барьером, который должен преодолевать исследователь всякий раз, переходя от размышлений о многообразии интерпретаций культуры к формированию стратегии и тактики *конкретного* прикладного исследования. Из всего этого богатого, обобщающего культурологического знания важно выбрать ту парадигму, в рамках которой можно наиболее эффективно решить конкретные задачи исследования. Естественно, универсального совета для такого отбора не существует: в каждом случае практические целевые ориентации, характер фактологической базы и другие факторы будут влиять на «отсечение лишнего» и акцентировку адекватного в пространстве «концептуальных предложений», известных специалисту-исследователю. Однако очевидно, что далеко не любые научно-дисциплинарные подходы к пониманию культуры могут «работать» в поле прикладной культурологии. Скажем, широко распространенное понимание культуры как мира артефактов, искусственно созданного человеком пространства его бытования. Значимая на уровне *философии* культуры, эта концепция плохо подходит для конкретного анализа конкретного явления в рамках отдельного исследования. А, например, знаково-символическая концепция культуры во многих случаях, почти

напрямую, может стать методологическим основанием вполне конкретного анализа, если этот подход позволяет выйти на решение содержащихся в нем задач. В этом смысле выбор «опор» – не столько поиск истинного знания (что, естественно, не отменяется), сколько выбор – из этого истинного – «удобного» в применении, эвристичного для прикладного анализа. Пустой спор – какая из концепций культуры лучше, правильней вообще. И символическая, и аксиологическая, и иные, достаточно обоснованные, концепции культуры в равной степени важны и нужны; наше же право и даже обязанность как исследователей, выбрать, в соответствии с решаемой задачей и целью, ту концепцию культуры, которая будет реально работать. Например, когда мы говорим об изучении культурных оснований той или иной социальной практики (подробнее об этом – далее), то очевидна продуктивность, скажем, *регулятивной концепции* культуры, ориентирующей на выявление ценностно-нормативной «подкладки», определяющей значимые характеристики деятельности любого профиля.

К сожалению, нередко автор, при описании методологических оснований того или иного конкретного исследования (представленных в публикациях, диссертациях, пособиях), без особых селективных усилий перечисляет через запятую все известные ему подходы к пониманию культуры как базу для собственного, вполне частного, ограниченного конкретным предметным полем и задачами, анализа. Конечно, можно согласиться с классическим: «лишних знаний не бывает», и все имеющиеся у специалиста – его реальный капитал, который когда-нибудь, где-нибудь да пригодится. Однако неумение распорядиться этим капиталом, в данном случае – сформировать и обосновать теоретико-методологическую базу для конкретного случая, определенных исследовательских целей, по сути, тождествен-

но ее отсутствию в качестве *реального* навигатора при формировании стратегии и тактики анализа.

Умение *оперировать* знаниями, то есть отобрать из имеющихся то, что требуется «здесь и сейчас», как известно, – важнейший показатель реального профессионализма, что серьезно отличает такого специалиста от просто «носителя» информации. В этом отношении переход на конкретно-прикладной уровень культурологического анализа с уровня знания концепций и концептов – это не редукция «от сложного к простому», как иногда может показаться, а сложная и творческая работа специалиста-«пограничника» (о чем уже шла речь), который по сути должен быть двуликим Янусом, но не только «смотрящим» – еще и *при-цельно* «видящим» нужное как в теоретическом, так и в практическом горизонтах исследования.

Направления и тематизация прикладных культурологических исследований

Определение возможного тематического круга ПКИ, основных векторов и направлений их развития, напрямую связано (опять-таки!) с более общими, фундаментальными посылками – с определенным пониманием не только специфики культурологии как науки, но и с трактовкой базового термина «культура», в большой мере эту специфику задающей. Рассмотрим некоторые модели такого рода сопряжения и его последствия.

Один из сложившихся и даже, можно сказать, укоренившихся вариантов интерпретации культуры – это то, что можно обозначить как ее отождествление с определенной *сферой* социальной жизни. Принятие «*сферного*» подхода предполагает выделение из всей совокупности социальных практик тех, которые могут/должны быть названы «культурными практиками», а их совокупность как раз и образует область

культуры. Как правило, к таким практикам относят все, что связано с так называемой «духовной жизнью» – различные виды художественного творчества (традиционно – лишь один из них – искусство, правда в немалом числе его разновидностей); музейную и библиотечную деятельность; религиозную практику. Не входя в обсуждение и весьма неопределенного содержания термина «духовная жизнь», и множества вопросов, которые неизбежно возникают при таком вычленении «культурной области» из социального пространства, акцентируем здесь лишь одну позицию: что это означает с точки зрения формирования *тематики* культурологических исследований? Очевидно, что тематические границы узаконенного таким образом пространства заданы перечнем тех видов деятельности, которые признаются как «культурные», в отличие от всех других видов социальных практик, которые, если следовать этой логике, должны рассматриваться как *некультурные* или *внекультурные*. В таком случае за пределами культурологического анализа остаются экономика, политика, экология и далее, и далее... словом, весь многообразный набор других видов социальных практик, которые не вписываются в заданные параметры «культурности». Наряду со сложностями в обосновании критериев такой селекции⁵, неизбежны и проблемы при работе с такими понятиями, как, например, «экономическая культура», «экологическая культура» и т. д., если, конечно, не использовать широко распространенное и научно неправомерное отождествление этих терминов соответственно с «экономикой», «экологией» и т. д.

Другая модель (на которую как раз и ориентирована наша работа) основана на понимании культуры не как особой области, *выделяемой* из социального пространства, а как особого «среза» этого про-

странства, включающего, прежде всего, ценностно-нормативные (регулирующие) и знаково-символические (репрезентационные) системы социальных практик. «Встреча» идеационного, нормативного, то есть *культуро-образующего*, регулятивного начала с реальной социальной практикой (которая в соответствии с этим началом и посредством соответствующей знаково-символической системы организуется, упорядочивается, ограничивается, оформляется, т. е. становится *культуро-сообразной*), и дает основание для рассмотрения в качестве феноменов культуры как самой этой практики, так и ее результатов.

Признание культуры не частным, локальным явлением, а, прежде всего, общерегулятивной сферой по отношению к любой из форм человеческой деятельности; системой норм, ценностей, образцов, которые определяют направленность развития, которые *о-значены* и символически явлены *в каждой из социальных практик* (а не только в области особых, «духовных» видов деятельности) – такой подход логически проецируется и на принципиально иное понимание тематики культурологических исследований вообще и прикладных в частности. Во-первых, при таком концептуальном посыле в тематическое пространство ПКИ должны быть включены *любые* социальные практики: экономическая, политическая, правовая, художественная, религиозная и др. – как реальные и потенциальные объекты изучения. Культурологичность же их рассмотрения – и это во-вторых, – определяется *углом зрения* на эти практики или их составляющие (в зависимости от цели и задач), той призмой, сквозь которую культуролог смотрит на эти объекты. Для различения культурологии и других наук, действительно, важно не что я изучаю, а как я изучаю. В этом смысле, на вопрос, иногда звуча-

⁵ [Более подробно об этом см., напр.: 19, р. 1; 5].

щий во время дискуссий о границах культурологических исследований: «Так что, культуролог – это не тот, кто изучает явления культуры?!», ответ напрашивается такой: «Это тот, кто изучает культурную⁶ составляющую любых социальных явлений и процессов, в том числе и тех, что относятся к явлениям культуры». Если я изучаю, например, экономическую деятельность, но именно с точки зрения ее регулятивно-аксиологических оснований, выявляя характер влияния на нее культурных традиций, стереотипов, анализируя особенности используемого символического ряда, механизмы мифологизации в области экономического сознания населения и роль этого фактора для развития экономики определенной культурной эпохи и т. п., то я работаю как культуролог, изучающий экономику, а совсем не как экономист.

С другой стороны, хорошо известно, что исследователь, изучающий культуру, отдельные культурные феномены и процессы – это совсем не всегда и совсем не обязательно культуролог, если говорить о специфике научного анализа, а не о наличии «культурного объекта». Скажем, свои аспекты, «срезы» выделяет при изучении культурного поля (например, библиотек, театров и пр.) экономист (вспомним про экономику культуры); психолог, этнолог и т. д., отнюдь не превращаясь в культурологов лишь по причине обращения своего исследовательского интереса к объекту из области культуры.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что «сферой компетенции» прикладной культурологии является не какой-либо отдельный вид или даже какая-то определенная группа видов социокультурной

практики (что чаще всего представлено в немногочисленных работах под названием «Прикладная культурология»), а *любой* вид или область деятельности, в которой возникла/формируется проблемная ситуация, выход из которой предполагает проведение анализа культурных факторов и составляющих, значимых для нее, и на этой основе – выработки соответствующей программы действий с использованием культурных механизмов, культурно детерминруемых «точек роста».

Отметим попутно и еще одну деталь, возможно, не столь существенную, но представляющуюся небезразличной в ситуации реальной прикладной работы. Культурологический анализ проблемной ситуации – это практически всегда лишь *одна из* компонент комплексного исследования, неизбежная междисциплинарность которого обусловлена объективной сложностью и многосторонностью любого социокультурного процесса, ситуации. Поэтому, как правило, обоснование культурологической составляющей в процессе построения модели возможных сценариев (развития, трансформации, продвижения и пр.) – это лишь некоторая *лепта*, эффективное использование которой обеспечивается *ее сопряженностью* с «лептами» смежников – экономистов, психологов, этнологов и др., в зависимости от пространства изучения. Эта ремарка порождена нередко встречающейся в текстах постановкой задачи и описанием практической значимости исследования по типу: «проведенный культурологический анализ позволяет установить, и тем самым решить...». Как правило, такого рода романтические пассажи – либо чисто умозрительные по-

⁶ Термин «культурный» здесь и в других культурологических текстах имеет, как известно, не оценочно-позитивный характер (подобно «культурному человеку»), а нейтрально-констатирующий принадлежность к культуре в вышеописанном значении. Нередко отмечаемая смысловая амбивалентность, перегруженность данного понятия в русском языке не породила какого-либо адекватного решения. Правда, ряд авторов используют для выхода из ситуации термин «культуральный» [см., напр.: 12], однако он не приобрел устойчивого и общепризнанного использования в научном сообществе.

строения, рожденные за письменным столом, либо неготовность исследователя к рефлексии происходящего в его же реальной практике взаимодействия с теми самыми смежниками, что серьезно снижает планку значимости и собственно культурологического анализа в контексте *реального практического* движения.

Применяя термин «междисциплинарность» к ПКИ, необходимо уточнить: он, на наш взгляд, имеет отношение именно к каждому *конкретному* культурологическому исследованию, а не к культурологии (в том числе и в ее прикладном векторе) в целом. Это требуется подчеркнуть, поскольку крайне распространенным является описание науки культурологии как междисциплинарной, в чем якобы и состоит ее специфика, в отличие от «дисциплинарно» четких: истории, филологии и т. д. Одновременно, как правило, «междисциплинарность» культурологии приравнивается, перечисляется через запятую как равнозначная, с общепризнанной характеристикой культурологии как науки интегративной. На наш взгляд, такое отождествление совершенно неправомерно, но, к сожалению, в использовании этих терминов применительно к культурологическому познанию возникла очевидная путаница. Если посмотреть на это в самом общем смысле, то можно сформулировать позицию так: признак *интегративности* относится к культурологическому знанию как таковому, а *междисциплинарность* – это характеристика, определяющая конкретный тип научного исследования.

В силу уже не раз обсужденных обстоятельств, культурология произросла из разных корней и, естественно, впитала в себя многое из того, что было накоплено в соответствующих областях науки. Такого рода *интегративность* по рождению вовсе не означает, что, пройдя определенный путь развития, обретая свою «структурно-кристаллическую решетку», институцио-

нальный статус и другие научные атрибуты, наука культурология должна и далее сохранять на себе «родовое пятно» мультидисциплинарного происхождения, выражающегося в ее нахождении «*меж*» различными «нормальными» науками. По сути, такое не укорененное в своей нише, «номадическое» знание, не обладающее признаками самостоятельной научной дисциплины – это не научная дисциплина вообще. Заметим, что если таким образом подходить к вопросу интегративности/междисциплинарности, то немного мы найдем наук, которые не являлись продуктом дифференциации научного знания, не находились, скажем, в процессе становления, в ситуации теснейшего взаимодействия и взаимовлияния с родственными областями. И в этом смысле интегративность – вполне понятная и обоснованная характеристика (хотя, заметим, ее интерпретации в культурологической литературе тоже неоднозначны, но в данном случае мы оставляем это без специального рассмотрения).

Когда же мы говорим не о науке культурологии в целом, а спускаемся на уровень конкретных ПКИ, то здесь прекрасно работает понятие междисциплинарности, предполагающее создание модели изучаемого феномена, максимально полно отражающей его характеристики, а потому включающей результаты полидисциплинарного социокультурного анализа (естественно, если этого требуют задачи).

В огромном числе случаев, несомненно, полномасштабность исследования обеспечивается именно принципом междисциплинарности – будь то вопросы функционирования массовой культуры [см., напр., 7; 15; 3 и др.] межкультурных взаимодействий [11 и др.], современных масс-медиа [4; 8; 14; 28 и др.] и многие другие проблемные зоны исследования. Очевидно, что родственные знания, предоставляемые специалистами в обла-

сти социальной психологии (например, об особенностях, механизмах восприятия тех или иных явлений представителями определенных групп – тинэйджеров, лиц «третьего возраста» и т. п.); социологии (скажем, социально-групповая структура в изучаемом регионе, основания и типология социальной дифференциации и пр.); этнологии и т. п. Учитывая многофакторность практически любого социокультурного явления, его конкретное исследование, в той или иной мере, должно быть междисциплинарным. Повторимся, что это совершенно не то же самое, что утверждение о междисциплинарном характере науки культурологии как таковой.

Отметим одновременно и то, что вряд ли стоит фетишизировать принцип междисциплинарности (сошлемся здесь на позицию Т. Бенета), который, рассматривая проблему интердисциплинарности применительно к одному из типов прикладных культурологических исследований («cultural studies»), подчеркивает, что при всей значимости этого принципа его завышенная оценка ведет к строительству «термитников», возвышающихся над дисциплинарными границами и претендующих на поглощение отдельных исследовательских направлений в рамках социальных и гуманитарных наук [29, Р. 44].

Прикладные культурологические исследования: поиск общего «знаменателя»

Построение прикладного культурологического исследования, в случае принятия предложенной выше его атрибутики, прежде всего, предполагает выявление культурных оснований подлежащего анализу процесса, явления, социальной ситуации; культурных факторов, значимых для рассматриваемого проблемного поля; оценку степени культуросообразности той

или иной изучаемой практики⁷ (политической, экологической, образовательной, здоровьесберегающей, информационной, рекреационной и др.). В совокупности, это, повторим, позволяет выявить (далее – проанализировать, предсказать, спроектировать) те культурно-значимые обстоятельства, которые и требуется прояснить прикладному культурологу для того, чтобы задействовать их в предполагаемой практической деятельности.

Очевидно, что в каждом отдельном случае разработка концептуальной схемы объекта ведется с учетом многих конкретных обстоятельств: цели, задач, предполагаемой/искомой эмпирико-реферативной базы, социального «здесь и сейчас» контекста исследования и др. Однако, при всех частностях и уточнениях, исходная модель анализируемого феномена необходимо опирается на разработки, обеспечивающие культурологическое (в данном случае, с акцентом на культурные факторы и основания) видение того вида социальной практики, того класса социальных явлений, к которым может быть отнесен собственно предмет анализа.

Поскольку, как уже не раз отмечалось выше, мы рассматриваем в качестве проблемного поля прикладной культурологии все социальное пространство, а не какие-то его отдельные зоны, то развитие концептуально-методологической базы ПКИ, объективно мультипредметных и многожанровых, предполагает, на наш взгляд, в качестве одной из задач формирование своего рода компендиума, содержащего описание культурологических моделей всех основных типов социальной практики. Моделей, максимально адекватных их последующей трансформации и использованию в прикладных целях,

⁷ Любопытные примеры использования «оценочного подхода» дает не только исследовательское, но и реально-социальное пространство: скажем, в Иране существует Совет по целесообразности (совещательный орган при высшем руководителе страны). Вероятно, было бы вполне резонно иметь Советы по культуросообразности в каждом социальном сообществе, что было бы важнейшим полем применения и сферой ответственности прикладной культурологии.

о чем уже шла речь выше. Стремлением к реализации этой цели продиктована, в том числе, и подготовка настоящего издания, а также некоторые предшествующие работы [напр., 19]. Однако, пока это, несомненно, лишь частично пройденный путь.

Формирование такого рода справочника предполагает, в том числе, определенное структурирование многообразных видов социальной практики на основе их типологизации. Очевидно, что реально речь может идти лишь о культурологических моделях того или иного типа социальной практики, содержащих описание потенциально/реально значимых точек культурной обусловленности, культуросообразности и др., с последующей видовой дифференциацией внутри каждого из типов (например, управленческий тип деятельности, включающий политическую практику, менеджмент и т. д.).

Построение типологий, как известно, возможно вести на различных основаниях, ориентируясь на различные маркеры-критерии. Один из вариантов, который используется нами в исследовательской и образовательной практике (в частности, в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология»), – это выделение блоков, исходя из целевых характеристик различных видов деятельности.

Исходя из этого основания, можно выделить такие группы социокультурных практик, как: организационно-управленческая (в том числе, политическая, включая культурную политику; менеджмент и др.); жизнеобеспечивающая (хозяйственно-предпринимательская, экологическая, здравоохранительная, гигиеническая и др.); коммуникативная (все поле информационных практик, межкультурные взаимодействия⁸ и др.); социализационно-

трансляционные (образование, воспитание, инкультурационные технологии и др.); креативная (включая все виды творчества – художественного, научного, инноватику и пр.); досугово-рекреативная (развлечения разного рода, туризм, фитнес и многое другое). Осознавая несомненную условность такого рода деления, как и всякой систематизации, отметим, в качестве примера, достаточно полезное использование этой нехитрой структуры при построении тезауруса для библиографического указателя «Прикладная культурология в контексте научного знания» (2003), подготовленного в Российском институте культурологии. Учитывая необходимость свести и соотнести в такого рода классификационных системах тематически разнородные и многообразные исследования, достаточно очевидные и несложные в использовании маркеры оказываются актуально востребованными, а не только предположительно полезными.

Конечно, такая систематизация является по сути лишь стартовой для последующего формирования своего рода матрицы, в которой будет отражено и существование каждого из типов/видов деятельности на обыденном и специализированном уровнях; и более точно (и тонко) будут представлены «пересекающиеся» в типологии круги – ведь, в зависимости от конкретных задач, тот или иной вид деятельности может быть отнесен к разным типологическим группам. Скажем, социализационные элементы вплетены во многие другие практики, целевой ориентацией которых социализация личности не является. Однако, в зависимости от целей (именно прикладного!) исследования, скажем, спорт может с полным основанием рассматриваться как практика социализации в современном

⁸ Под межкультурными взаимодействиями подразумеваются, конечно, взаимодействия не только различных этнических культур (наиболее устоявшаяся, распространенная интерпретация), а и культур (субкультур), различающихся по иным характеристикам: гендерным, возрастным, социально-территориальным и пр. [более подробно см., напр.: 11].

мире. Очевидны и существенные различия, применительно к отдельным видам практики, если принимать во внимание, например, субъекта этой деятельности. Скажем, тот же спорт для профессионального игрока – это практика жизнеобеспечения, а для спортивного фаната – досугово-рекреативная деятельность. И число таких «неоднозначностей», несомненно, постоянно возрастает при переходе от простого разделения практик на основе признака

их целеориентированности, описанного выше, к многомерной, приближенной к социальной реальности матрице.

Однако, осознавая очевидные сложности, как и существование подводных камней, в процессе реализации этой идеи, все же она представляется небесполезной для достижения более четкого, структурированного, а потому полезного и самой практике поля прикладной культурологии.

Литература

1. Акопян К. З. Специфика исторической культурологии как научной дисциплины // Культурология: от прошлого к будущему. – М., 2002. – С. 189–201.
2. Ариарский М. А. Прикладная культурология. – СПб., 2001.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М., 2006.
4. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002.
5. Быховская И. М. Культурология: от определения к самоопределению // Александрова Е. Я., Быховская И. М. Культурологические опыты. – М., 1996. – С. 7–45.
6. Волков В., Хархордин О. Теория практик. – СПб., 2008.
7. Город развлечений: наблюдения, анализы, сюжеты / под ред. Е. В. Дукова. – СПб., 2007.
8. Досуг, творчество, медиакультура. – Омск, 2005.
9. Ерасов Б. С. Социальная культурология. – М., 2003.
10. Ионин Л. Г. Социология культуры. – М., 2004.
11. Культура «своя» и «чужая». Материалы международной Интернет-конференции / под ред. И. М. Быховской, О. И. Горяиновой. – М., 2003.
12. Культуральные исследования. – СПб.; М., 2006. – Вып. 8.
13. Культурология в системе наук и образования. Аннотир. библиогр. указ. / под ред. Т. С. Федоровой; сост. М. А. Кинсбургская. – М., 2000.
14. Луман Н. Реальность массмедиа. – М., 2005.
15. Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М., 2003.
16. Миненко Г. Н. Проблема методологического определения исторической культурологии // Культурология в теоретическом и прикладном измерениях. – М.; Кемерово, 2001. – С. 8–16.
17. Ориентиры культурной политики. Информационный журнал Министерства культуры РФ. – М., 1995–2002.
18. Орлова Э. А. Социокультурные проблемы и формы их решения. – М., 2001.
19. Основы культурологии / под ред. И. М. Быховской. – М., 2005.
20. Прикладная культурология в контексте научного знания. Библиогр. указатель / сост. М. А. Кинсбургская. – М., 2003.
21. Розин В. М. Теоретическая и прикладная культурология. – М., 2007.
22. Розин В. М. Социальные практики как условие становления личности // Личность в социокультурном измерении: традиции и современность. – М., 2007.
23. Савельев В. В. Очерки прикладной культурологии: Генезис, концепции, современная практика. – М., 1993. – Ч. 1, 2.
24. Современные стратегии культурологических исследований: Тр. Ин-та европ. культур. – М., 2000. – Вып. 1.

25. Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990 гг. / под ред. И. А. Бутенко, К. Э. Разлогова. – М., 1996.
26. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М., 2002.
27. Экранная культура в современном медиапространстве: методология, технологии, практики / под ред. Н. Б. Кирилловой. – М.; Екатеринбург, 2006.
28. Электронная культура и экранное творчество / под ред. К. Э. Разлогова. – М., 2006.
29. Bennett T. Towards a Pragmatics for Cultural Studies // Cultural Methodologies / J. McGuigan (Ed.). – L., 1997. – P. 42–62.
30. Relocating Cultural Studies: Developments in Theory and Research / V. Blundel, J. Shepherd, I. Taylor (Eds.). – L., 1993.